

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ШКОЛЫ В КИТАЕ В СЕРЕДИНЕ ХХ ВЕКА (ПО ВОСПОМИНАНИЯМ В АЛЬМАНАХЕ «РУССКАЯ АТЛАНТИДА»)

Е. И. Сёмочкина

В статье дана характеристика воспоминаний бывших учащихся русских школ в Китае в середине ХХ века. Приведены яркие фрагменты из их публикаций в альманахе «Русская Атлантида». Анализ этих мемуаров показывает их большую ценность как источника по изучению истории повседневности Русского Зарубежья, особенно «русского Китая».

Ключевые слова: история повседневности, «русский Китай», Русское зарубежье, мемуары, школа, эмигранты.

Тема школьного мира является неотъемлемой частью **истории повседневности** Русского Зарубежья, интенсивно разрабатываемой в XXI веке. Многими исследователями были рассмотрены формирование и развитие системы народного образования; типы учебных заведений; их структура и финансирование; программы обучения и воспитания (их связь с дореволюционной русской школой) и т. п. [9; 16] Однако школьный мир складывается не только и не столько из формальных структур и институтов, хотя и очень важных, но и из повседневной жизни учителей и учащихся, их поступков и взаимоотношений. Об атмосфере школьного мира, не отраженного в архивных документах, могут поведать только сами люди, вспомнив свои школьные годы и тем самым существенно дополнить историю русской школы в Китае, оживить ее. Это поможет лучше понять проблемы ее существования, и в то же время по достоинству оценить подвижнический труд педагогов — энтузиастов своего дела.

Для этой темы очень важным источником являются воспоминания школьников, живших в «русском Китае» в 1930—1950-е годы. Они в большом количестве опубликованы на страницах альманаха «Русская Атлантида». (Далее — «РА») Он стал издаваться в Челябинске в 1998 г. История его создания, анализ специфики его материалов уже изложены автором. [21] Этот альманах был задуман с целью: сохранить память о жизни в Харбине (а шире — во всем Китае) всех русских людей. Материалы альманаха, по убеждению его авторов и издателей, должны способствовать поддержанию единства их своеобразной общности — «русских китайцев». С помощью «РА» мемуаристы сохраняют образ своей утраченной малой родины, подчеркивая, с одной стороны, общность своей судьбы с судьбой всей России, а с другой — свои особенности, относительную непохожесть на соотечественников, выросших в СССР, а подчас даже исключительность.

Воспоминания в «РА» о школе могут быть фрагментарны, когда они являются только частью сюжета, а могут быть полностью посвящены учебному заведению, учителям, или одному из них, друзьям-одноклассникам. Они есть в каждом номере альманаха, и поэтому приходится ограничиться в выборе наиболее показательными, особенно ярко написанными воспоминаниями.

Мы называем русские школы в Китае «эмигрантскими», поскольку после 1917 года русский анклав, сложившийся в конце XIX века в зоне КВЖД (Маньчжурия, Харбин), оказался за границами нового российского государства. Из Советской России сюда хлынул поток беженцев, что естественно отразилось на всех сторонах местной русской жизни, в том числе и на школах. Теперь они радикально отличались от тех, что возникли в советском государстве: во-первых, они сохранили свои прежние (дореволюционные) форму и содержание, а, во-вторых, приобрели некоторые общие черты, характерные для русских эмигрантских школ в других странах. Тем не менее, важно отметить, что с 1924 по 1935 гг. в зоне КВЖД наряду с эмигрантскими работали советские школы для детей советских служащих. В «РА» о них воспоминаний нет. Видимо это объясняется тем, что, когда в 1935 г. КВЖД полностью перешла под японское управление, из 23 тысяч граждан СССР, работавших там, 92% вернулись в Советский Союз [4, с. 78].

По объективным демографическим причинам основной комплекс этих воспоминаний относится ко второй половине 1930-х — середине 1950-х годов, и только единицы — к концу 1920-х — началу 1930-х гг.

Поскольку Харбин стал главным городом русской диаспоры в Китае, здесь было больше всего русских учебных заведений. Поэтому в «РА» преобладают воспоминания «харбинцев». В них отразились особо памятные эпизоды: смешные, грустные, страшные, торжественные, а также подробные описания зданий, порядков и традиций, формы одежды учащихся, уроков и досуга, рассказы об учителях и учениках, много фотографий.

«Экскурсионные» рассказы создают наглядный образ учебного заведения. Например, В. В. Краковцев сравнивает четырехэтажное здание своей школы в Шанхае с огромным океанским лайнером — большим, комфортабельным и снаружи и внутри: один его вид вдохновлял мальчика на учебу [10, с. 60]. В воспоминаниях Т.В. Пишиковой ее гимназия в Дайрене предстает как холодный каземат с цементным полом, от которого мерзли ноги, а строгая чистота еще больше подчеркивала скудость обстановки. [14, с. 44] По воспоминаниям П. П. Добрынина о I Харбинском русском реальном училище

(далее — I ХРРУ), Ф. К. Маркова о Русском доме (приюте-училище), Н. П. Разжигаяевой о Конvente (колледже) Св. Урсулы и др. красота зданий их учебных заведений настраивала учащихся на деловой лад [2, с. 32; 12, с. 31; 18, с. 28].

Многие авторы воспоминаний детально рисуют форменную одежду школьников. В лице Св. Николая, I ХРРУ, Русском доме мальчики носили в будни рубашки (гимнастерки) и брюки черного цвета. В праздники рубашки (гимнастерки) надевали белые. Воспитанников Русского Дома в Харбине называли «матросиками», за их форму похожую на морскую, и бескозырки. Там была дисциплина до-революционного кадетского корпуса, что «импони-ровало многим зажиточным семьям». Высокая плата для этих учащихся позволяла бесплатно содержать детей из бедных семей. Форменные платья девочек могли быть темно-зеленого цвета (I ХРРУ), или коричневого (в гимназии г. Циндао), но с обязательными фартуками — черными по будням и белыми по праздникам. Им запрещались прически (только косы), маникюр, косметика. В I ХРРУ были обяза-тельны фуражки с эмблемой училища для мальчиков и береты со значком училища для девочек. Все как когда-то в России [2, с. 32; 12, с. 31; 20, с. 8]!

Все русское среднее образование в Китае до 1945 г. строилось на основах православия, с прямым участием священников РПЦ в школьной жизни (утренние молитвы до уроков, соблюдение церковных канонов, регулярное посещение храмов, торжественные молебны по случаю всех церковных праздников, участие в церковных хорах и т. п.). Для учащихся это было естественно, поскольку в абсолютном большинстве семей духовное воспитание основывалось не на словах, а на деле — главный пример подавали родители. С. Н. Игнатъева (Брусиенко) пишет: «Наша школьная жизнь была неразрывно связана с милым сердцу, светлым уютным храмом... Неоценимое значение для духовной связи поколений русских в Циндао имела церковь... все умиротворяло, хотелось стать лучше» [5, с. 54].

В таких учебных заведениях с религиозной направленно-стью, как лицей Св. Николая (для мальчиков), Конвент (колледж) Св. Урсулы (для девочек), и др. учащиеся жили на полном пансионе. Учебная нагрузка, особенно по иностранным языкам, была больше, порядки строже.

В Конvente Св. Урсулы царил строгая дисциплина, этикет: неперемные реверансы перед учителями и воспитателями, будничные прогулки парами и молча, свидания с родственниками в актовом зале один раз в две недели в определенные часы. День говорили на английском, день — на французском языке, и только в воскресенье — на русском. Лишь во дворе на игровой площадке можно было играть, заниматься спортом и просто бегать, что уже было весельем и счастьем. [18, с. 30]

Во всех русских учебных заведениях в Китае большое внимание уделялось музыкальному воспитанию и спорту. Масса любителей была хорошей средой для поиска талантов и роста профессионалов, а у последних никогда не было недостатка в благодарной публике. Наиболее интересные воспоминания о спорте и музыкальных занятиях напи-

сали П. П. Добрынин, Л. П. Маркизов, Ф. К. Марков, Г. Б. Разжигаяев, Т. В. Пищикова, Г. В. Семенов, В. М. Шишов и др. [2; 11; 12; 15; 17; 20; 24].

В «РА» ряд воспоминаний содержит сведения о двух серьезных «перестройках» образования, произошедших на глазах учащихся.

Первая: перестройка на японский лад. После продажи КВЖД Советским Союзом Японии в 1935 г. не могли не измениться все правила жизни русского населения, в том числе и школа. Японские власти подчеркнуто именовали всех русских «эмигрантами». В 1937 г. по реформе народного просвещения все учебные заведения перестроились по японскому образцу. В Харбине были закрыты русские гимназии и реальные училища. По особым разрешениям оставались некоторые русские, мусульманские, еврейские частные начальные и подготовительные школы и детские сады, несколько профессиональных школ. Также сохранились учебные заведения религиозной направленности: лицей Св. Николая, конвенты урсулинок и францисканок, Русский дом, духовная семинария. В японском духе существенно были откорректированы все программы и учебники. Сохранение русских национальных традиций и РПЦ должно было воспитать, по замыслу реформаторов, у русских учащихся благодарность к «Великой Японии». Однако насаждение японских порядков расценивалось как ущемление православия и навязывание японского языка в светских русских школах. Например, родители Г. Б. Разжигаяева отдали его в 1944 г. в духовную семинарию после того, как в школе К. П. Чесноковой, где он учился, «стали читать в белых перчатках Манифест японского императора» [18, с. 26]. После закрытия I ХРРУ родители нескольких учеников организовали домашний класс в доме Садовниковых на Речной улице. Об этом вспоминает учившийся там Г. П. Казаков [6, с. 17]. М. Таут пишет о группе начального обучения детей на дому у И. А. Мирандова, где ей посчастливилось учиться [22, с. 6].

В гимназии им. А. С. Пушкина в Дайрене предмет «ниппоноведение», было поручено вести М. П. Григорьеву, прожившему 20 лет в Японии и хорошо ее знавшему. Он сам разработал программу этого предмета, исключив политику, сделав главный акцент на изучение языка, культуры, географии, истории, что пробудило неподдельный интерес учеников. Но его аполитичность вызывала недовольство японских властей. После его внезапной смерти в 1943 г. ученики и их родители подозревали, что он был убит. (Урну с его прахом увезли в Японию его жена-японка и дочь.) В военное время большое внимание стало уделяться военно-спортивной подготовке гимназистов. Им даже нравились занятия по стрельбе, они охотно принимали участие в городских соревнованиях. За это их награждали ценными призами — талонами на постное масло и муку [15, с. 40].

При сокращении в Харбине русских учебных заведений японская администрация шла на некоторые уступки. В частности, П. П. Добрынин отмечает, что старшеклассникам I ХРРУ разрешили доучиться по старой программе, дополнив только изучение японского языка. Но при этом предложили пройти

четыре класса за два года, а младшие классы просто закрыли, нового приема не делали. К тому же в 1938 г. были приняты учащиеся закрытого Алексеевского реального училища, что очень резко ухудшило условия учебы. Последний двадцать первый выпуск I ХРРУ состоялся в 1940 г. (П. П. Добрынин получил золотую медаль) [2, с. 34, 36].

Вторая перестройка образования проходила по-советски. После разгрома Японии в 1945 г. Маньчжурия вошла в сферу интересов СССР. Вместо различных типов начальных и средних учебных заведений были созданы полные советские средние школы (далее — ПССШ), работавшие по программам советских школ-десятилеток. По своему возрасту многие авторы «РА» образование получили в них, полностью или частично. Как видно из их воспоминаний, учителя в большинстве своем остались прежние, особенно в первые 5 лет, но приехали и новые — из СССР. На территории Китая 1945—1946 учебный год стал переломным для всех учебных заведений.

В 1946 г. урсулинок выселили из здания их Конвента, а их самих поместили в Конвент францисканок на Ипподромном шоссе, что было неудобно и неприятно. Большие классы поделили на малые с помощью плотных занавесок. Как вспоминает Н. П. Разжигаева (Омельчук): «Только доброта и кротость наших монахинь делали жизнь терпимой и легкой переносимой» В 1949 г. оба Конвента закрыли, так же, как и лицей Св. Николая [18, с. 30; 20, с. 9].

Уникальна была судьба лицей А. Невского, в исторических исследованиях не упомянутого, видимо, из-за краткости своего существования (1946—1951 гг.). Усилиями Владыки Нестора и под патронажем Московской Патриархии после закрытия Русского дома в 1946 г. на его базе был создан лицей с православным уклоном и с программой обучения для вновь открытых советских школ в Харбине. В лицей оказались учащиеся из Русского дома, духовной семинарии, из Серафимовского приюта. Так что наряду с предметами, трактуемыми по-советски, уживались и латынь, и катехизис, и Закон Божий плюс утренняя и вечерняя молитвы. Такой компромисс между Советской властью и РПЦ был недолог — всего пять лет [17, с. 25—27].

Для г. Дайрена 1945 год ознаменовался возвращением ему прежнего русского имени — Дальний. По советско-китайскому договору он был сдан в аренду СССР на 30 лет, в связи с чем в город приехало много советских специалистов с семьями. Были открыты ПССШ, в которых сначала местные дети (советская администрация, как в свое время японская, именовала всех русских «эмигрантами») учились вместе с приезжими из СССР. В 1947 г. их разделили по разным школам (перестраховались), но в 1948—1949 снова объединили [15, с. 42—43].

В Циндао, как вспоминает С. Н. Игнатъева (Брусиенко), в 1945 г. все было настолько неопределенно, что некоторые учителя вели занятия на дому, в частности, учительница истории К. С. Матюхинская. Однажды их посетил директор гимназии с представителем советского консульства из Тяньцзиня, ведавшим делами образования. Он интересовался учебниками (оказались дореволюционными), те-

мой урока (девочкам пришлось рассказывать про Екатерину Великую). «В следующем учебном году гимназия официально превратилась в полную среднюю школу при Обществе граждан СССР в Циндао» [5, с. 57].

В 1949 г. в Китае был создан Союз Советской Молодежи: ССМ (аналог ВЛКСМ в СССР), появились «юнаки» с красными галстуками (аналог пионеров). Через новые учебники и программы, а также формы досуга (танцевальные вечера, концерты художественной самодеятельности, походы-сборы) у русских школьников в Китае формировалось понятие принадлежности не только к России, но и к СССР. А. И. Мирандов вспоминает о предосудительном, с его точки зрения, поступке его сестры Лены, которая в числе других нескольких школьников, членов ССМ, в день смерти Сталина надела траурную наравную повязку, перед тем как идти на митинг, посвященный этому событию. Директор школы Н. Г. Момот велела их снять, но школьники отказались. Брат вспоминает, что очень стыдно за свою дочь было их отцу — И. А. Мирандову, поскольку в Харбине очень многие знали их семью [13, с. 5].

Как вспоминает Е. Г. Войлошникова (Чипизубова), ССМ призывал «быть честными, активными патриотами своей Родины», работать на благо всего общества, а не только на свое. Слова были замечательные, и молодые люди верили им. Получив известие в 1954 г. о разрешении выезда в СССР на целину, «молодежь ликовала». [1, с. 62, 63] Романтический настрой под влиянием ССМ был у старшеклассников и на станции Бухэду. В школе вспыхнули разговоры о будущем отъезде на целину, хотя были и скептики, не разделявшие общей радости. Ученик Костя Иванов сделал карикатуру: «На освоение (молодежь), на заселение (взрослые), на удобрение (старика)». Каких-то последствий этот поступок не имел, все остались при своем мнении. Уезжали в СССР со слезами счастья и сбывшихся мечтаний. В противоположную сторону — «за речку» (т. е. в Америку, Австралию) — уезжали без пафоса, незаметно [3, с. 23].

Самые «радужные» воспоминания об учебе в Мукдене написала Е. Л. Комендант (Рафельд), что видно уже из их названия: «Школьные годы чудесные», как в песне. Ей было хорошо даже в немецкой школе, куда ее отдали в 6 лет, хотя она не знала немецкий язык. Но, видимо, ее природная общительность и веселый нрав быстро убрали этот «минус» и вывели ее в отличницы. У одноэтажной школы был парк, теннисный корт, зимой превращавшийся в каток для уроков физкультуры. Уроки девочка не запомнила, а вот праздники в школе — Пасха и Рождество, когда их нарядили ангелочками — ей очень понравились [8, с. 60]. С 1945 г. она училась в советской школе, которой она тоже благодарна: «Всем учителям низкий поклон, они заронили доброе зерно на благодатную почву» [8, с. 63]. Особенно ей запомнился своей строгостью директор школы В. П. Сретенский: «Как глянет поверх очков своими пронзительными глазами под густыми бровями, так весь и затрепещешь». Но вне уроков он «светлел». Всеобщим любимцем был их классный руководитель Н. Н. Тверцын, молодой,

добрый и участливый настолько, что даже починил деревянную обложку ее альбомчика (было такое увлечение у школьников XX века, в них они писали стихи и рисовали) [8, с. 62]. Еще в ее памяти «всплыл» роман учителя физкультуры с одной из учительниц: «Мы жарко это обсуждали — ведь от детских глаз не скрыть ничего!» [8, с. 63]. С юмором она вспоминает, как на переменах они бегали к уличным китайским продавцам-разносчикам лакомств, а потом торопились их съесть [8, с. 61].

Почти все мемуаристы вспоминают свои выпускные балы, когда вручали аттестаты зрелости, а потом танцевали до утра. Традиционно юноши надевали темные костюмы, а девушки — белые длинные платья. Но подобная роскошь, судя по фотографиям, осталась в 1930-х годах [11, с. 48]. Тем более, что в советской школе не должно было быть места «мещанству». Так, выпускникам школы на станции Бухэду в 1952 г. запретили шить на выпускной вечер традиционные белые длинные платья. Пришлось идти на бал в платьях обычной длины и не в белых [1, с. 62].

Очень интересны и богаты подробностями воспоминания В. В. Краковцева о школе в Шанхае. Как непохожи были Харбин и Шанхай, так же различны были их школы. В Шанхае русская колония была гораздо меньше, чем в Харбине и сложилась в основном из русских эмигрантов в 1920-е годы. Во время японской оккупации Маньчжурии она значительно выросла за счет тех русских людей, которых не устраивали японские порядки и кто мог переехать сюда. Почти половина русских детей здесь училась в школах других стран, в основном английских и французских. С точки зрения родителей это было практично: впоследствии было легче найти хорошую работу в различных иностранных фирмах, а в перспективе — уехать в Европу, Америку или Австралию. В. В. Краковцев начинал учиться в Харбине в школе Чесноковой, после переезда в Шанхай учился в английской школе, а затем его определили во французскую школу для русских детей — *école municipale française Rèmei*. Отсюда общее прозвище учеников — «ремишники». Кроме русской грамматики все предметы шли на французском языке, поэтому он должен был после уроков заниматься французским дополнительно. Очень многое приходилось заучивать наизусть, зубрить, и лишь потом понимать. Зато до сих пор у него прекрасная память. В. В. Краковцев пишет о себе и своем друге по школе Славе Соколовском, с которым познакомился в 1938 году: «Нам вместе уже 163 года, мы, как и раньше, общаемся с английскими, французскими и китайскими шутками, хотя и виртуально — в Интернете. [10, 60] Характеристики учителей и одноклассников даны ярко и образно. Упоминает он и хулиганскую забаву: доставали обрывки киноплёнки, сворачивали ее и поджигали. Такая «пфимпфа» сгорала с шипением, верчением, дымом и жутким запахом. Мальчишек это восхищало! [10, с. 62]

Каждый, пишущий о своих школьных годах, непременно благодарил учителей, на склоне лет особенно глубоко осознавая, как он им обязан. В частности интересна подборка воспоминаний об

И. А. Мирандове (1899—1970 гг.), известнейшем харбинском педагоге. (О нем написали его бывшие ученики и его сын — А. И. Мирандов.) Он преподавал английский язык, литературу, психологию в разных учебных заведениях. М. Таут характеризует его как истинного представителя «русской педагогической интеллигенции старой формации», отмечает его огромное влияние на ее выбор профессии филолога [22, с. 6—7]. Его ученица из послевоенной школы Н. Н. Клипиницер (Иванова) пишет: «Кумир учащихся старших классов. Его уроки литературы проходили на одном дыхании... Мы учились любить слово... Теперь, когда я слышу неправильное выражение, меня коробит, и я вспоминаю своего учителя» [7, с. 30]. В. М. Шишов — выпускник 1936 года харбинской гимназии им. А. С. Пушкина — вспоминает И. А. Мирандова как учителя английского языка и как знатока русской поэзии, с которой он знакомил своих учеников на литературных вечерах, выступая как артист художественного слова [24, с. 52].

Еще один известный харбинский педагог, преподававший естествознание, Т. П. Гордеев (1875—1967 гг.). Он воспитывал у своих учеников любовь к природе не только на уроках, но и на экскурсиях, в кружках естествознания и географии, на опытном участке. С дореволюционных времен он был исследователем Дальнего Востока, членом Общества Изучения Маньчжурского Края, в 1934 г. участвовал в экспедиции Рерихов, составил первую почвенную карту Маньчжурии (был почвоведом с мировым именем), собрал ценный гербарий для музея Хэйлуцзянской провинции (впоследствии он там работал до 1962 г. и через Гонконг уехал в Бельгию). Для детей он был романтик природы, умевший написать «полезный» для урока стих даже о жабе. Т. П. Соколова (Петрина), рассказывая за себя и своих одноклассников, пишет: «Стыдно вспомнить, как своим шумом и гамом мы досаждали ему и мешали его работе, но он был терпелив. Он никогда не повышал голоса на нас, и лишь однажды этот добрейший человек, выведенный из себя, воскликнул, что это не класс, а “зверинец”» [19, с. 18].

Среди учителей наблюдательные ученики всегда отмечали бывших офицеров по их выправке, подтянутости, любви к дисциплине. Л. П. Маркизов, вспоминая о харбинской гимназии им. А. С. Пушкина, пишет о Я. М. Ларионове, бывшем генерал-майоре Генштаба, участнике Первой мировой войны, уклонившемся от участия в гражданской. Он преподавал арифметику и востоковедение. Другой бывший офицер, преподававший географию в этой же гимназии, — С. А. Безобразов — очень любил точность во всем, и всегда поправлял учеников, называвших старые (дореволюционные) названия русских городов: например, «Петроград» вместо «Ленинград». Он подчеркивал, что нужно знать официальные географические названия, которые соответствуют времени их существования [11, с. 45]. Т. В. Пищикова вспоминает Н. Н. Покровского, бывшего полковника, воевавшего в отряде Унгерна в Монголии, где в одном из походов он сильно обморозился, но, несмотря на свою хромоту, преподавал в гимназии им. А. С. Пушкина в Дайрене физкультуру. [15, с. 39] Чувство признательности

она выражает не только своим учителям, но и сторожихе (по совместительству истопнице и уборщице) «тете Оле Кузнецовой», которая вместе со своими дочерьми обслуживала гимназию. В военное время, когда было особенно тоскливо и холодно, дети бежали к ней в подсобку погреться и поделиться своими бедами. У «тети Оли» всегда находились теплые, душевные слова. [14, с. 44]

Под этими строчками В. В. Шароухова мог бы подписаться каждый из бывших школьников «русского Китая»: «С особой теплотой я вспоминаю Якшинскую русскую школу. В разное время в ней работали талантливые и увлеченные учителя... В школе работали и пожилые люди и... вчерашние выпускники нашей же школы, но всегда их объединяло одно: они очень любили свою работу и своих учеников, пытались их понять, не было формализма и неукоснительного выполнения плана урока, так характерного для советской школы... Эта школа была родным домом... Родители принимали активное участие во всех школьных мероприятиях, отдыхали вместе с детьми, разные поколения находили общий язык» [23, с. 20]. Даже с поправкой на идеализацию своих детских лет общий тон говорит о душевной атмосфере тех школ, о которых идет речь в воспоминаниях, присланных в альманах.

Подводя итоги, следует отметить, что, во-первых, воспоминания в «РА» содержат ценную информацию о многих школьных бытовых деталях середины XX века, характерных только для этой уникальной диаспоры — «русский Китай». Они наглядно воссоздают меняющуюся школьную среду в зависимости от политических обстоятельств 1930—1950-х годов. В то же самое время здесь нет акцента на политические события, о них упоминается только вскользь. О противоречивости, неоднозначности, трагичности этих событий — в других мемуарах «РА». А воспоминания о школе — идеальны и светлы.

Во-вторых, взаимоотношения учителей и учащихся, а также их родителей, по этим воспоминаниям, характеризуются как доверительные, основанные на взаимоуважении и взаимопомощи. Судя по этим мемуарам, здесь не возникал конфликт «отцов и детей».

В-третьих, эти воспоминания характеризуют личности авторов, писавших о своей школе в Китае. Они предстают людьми не просто уважающими церковь, знающими каноны православия, но искренне верующими — спокойно, не напоказ. Прослеживаются черты, свидетельствующие о преклонном возрасте мемуаристов, которым есть чем поделиться со своими потомками и тем самым сохранить память не только о себе лично, но и обо всей русской диаспоре, некогда существовавшей в Китае. Воспоминания в альманахе раскрывают мотивации их поведения как единой своеобразной группы наших соотечественников, связанных общностью происхождения и поддерживающих свое единство с помощью воспоминаний, в том числе на страницах «РА». Наличие избирательности в этих публикациях, с одной стороны, связано со свойствами (в том числе возрастными) человеческой памяти, склонной помнить хорошее и забывать плохое, а с другой —

авторы сознательно могут умалчивать о чем-либо, что может представить их в невыгодном ракурсе. Психологически это объяснимо: мемуаристы явно или скрыто стремятся оправдывать свою жизнь, приуменьшить свои недостатки и подчеркнуть свои достоинства, достижения, даже если они значимы только для них самих.

В-четвертых, мемуары о школе объясняют причины и возможности появления самого альманаха «РА». Они лучше, чем какие-либо другие, высвечивают развитость культурных потребностей, заложенных с детства, широкий круг интересов, сформированный семьей и школой. Отличительная черта воспоминаний в «РА» — высокий уровень грамотности, чистый литературный язык, бережное к нему отношение, богатый словарный запас. Все это дало уроки литературы и русского языка, литературные и драматические кружки тех школ, о которых вспоминают «русские китайцы». Именно школьные годы стали периодом «духовного и интеллектуального роста... возмужания... становления на твердую почву». [12, с. 32]. Основы знаний, навыков взаимодействия людей в обществе, заложенных в школе, помогли реализовать проект издания альманаха.

Второстепенность мемуаров как источника в исторических исследованиях обусловлена их субъективностью. Но без них не обойтись при изучении истории повседневности, истории ментальности, исторической психологии.

Литература и источники

1. Войлошников (Чипизубова), Е. Г. Жизнь по обе стороны Хингана / Е. Г. Войлошников (Чипизубова) // Русская Атлантида. — 2001. — № 7. — С. 60—63.
2. Добрынин, П. П. Первое Харбинское реальное училище / П. П. Добрынин // Русская Атлантида. — 2001. — № 5. — С. 32—37.
3. Захарова (Мамина), Е. И. История семьи / Е. И. Захарова (Мамина) // Русская Атлантида. — 2012. — № 45. — С. 14—26.
4. Иванов, В. П. Российское зарубежье на Дальнем Востоке в 1920—40-е гг. / В. П. Иванов. — М.: МГОУ, 2003. — 160 с.
5. Игнатьева (Брусенко), С. Н. Моя жизнь в Циндао / С. Н. Игнатьева (Брусенко) // Русская Атлантида. — 2000. — № 3. — С. 53—57.
6. Казаков, Г. П. О любимом отце / Г. П. Казаков // Русская Атлантида. — 2000. — № 4. — С. 15—20.
7. Клипиницер (Иванова), Н. Н. Причастны к столетию / Н. Н. Клипиницер (Иванова) // Русская Атлантида. — 1998. — № 1. — С. 29—30.
8. Комендант (Рафельд), Е. Л. Школьные годы чудесные / Е. Л. Комендант (Рафельд) // Русская Атлантида. — 2001. — № 6. — С. 60—63.
9. Косинова, О. А. Педагогические традиции Российского Зарубежья в Китае в конце XIX — первой половине XX веков: (1898—1945 гг.) / О. А. Косинова. — М.: [б. и.], 2008. — 200 с.
10. Краковцев, В. В. Шанхай. 1938 год / В. В. Краковцев // Русская Атлантида. — 2012. — № 45. — С. 58—63.
11. Маркизов, Л. П. От азбуки до аттестата зрелости / Л. П. Маркизов // Русская Атлантида. — 2001. — № 6. — С. 44—50.
12. Марков, Ф. К. Жизнь без воспоминаний — лишена всякого смысла / Ф. К. Марков // Русская Атлантида. — 1998. — № 1. — С. 30—33.

13. Мирандов, А. И. Воспоминания об отце / А. И. Мирандов // *Русская Атлантида*. — 2000. — № 4. — С. 3—6.

14. Пищикова, Т. В. Русская гимназия им. А. С. Пушкина в городе Дайрен / Т. В. Пищикова // *Русская Атлантида*. — 2000. — № 4. — С. 42—48.

15. Пищикова, Т. В. Русская гимназия им. А. С. Пушкина в городе Дайрен / Т. В. Пищикова // *Русская Атлантида*. — 2001. — № 5. — С. 38—43.

16. Потапова, И. В. Русская школа в Маньчжурии. 1898—1945 годы / И. В. Потапова. — Хабаровск : Частная коллекция, 2010. — 186 с.

17. Разжигаев, Г. Б. Лицей Александра Невского / Г. Б. Разжигаев // *Русская Атлантида*. — 1999. — № 2. — С. 25—27.

18. Разжигаева (Омельчук), Н. П. Прогулка по Конвенту / Н. П. Разжигаева (Омельчук) // *Русская Атлантида*. — 2003. — № 9. — С. 28—31.

19. Соколова (Петрина), Т. П. Ученый, учитель, поэт / Т. П. Соколова (Петрина) // *Русская Атлантида*. — 2000. — № 3. — С. 18—20.

20. Семенов, Г. В. Лицейсты в Москве / Г. В. Семенов // *Русская Атлантида*. — 1999. — 2. С. 6—10.

21. Семочкина, Е. И. Альманах «Русская Атлантида» как реализация культурно-исторического опыта русских уроженцев Китая (к 15-летию издания) / Е. И. Семочкина // *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия «Социально-гуманитарные науки»*. — 2014. — Т. 14. — № 2. — С. 27—32.

22. Таут, М. П. С большим теплом вспоминаю / М. П. Таут // *Русская Атлантида*. — 2000. — № 4. — С. 6—7.

23. Шароухов, В. В. Якэши — станция на КВЖД / В. В. Шароухов // *Русская Атлантида*. — 1998. — № 1. — С. 19—20.

24. Шишов, В. М. Харбин, Пристань, тридцатые годы / В. М. Шишов // *Русская Атлантида*. — 2001. — № 6. — С. 51—53.

СЁМОЧКИНА Екатерина Ивановна в 1981 г. окончила исторический факультет Челябинского государственного университета. Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Россия). Научные интересы: проблемы Великой Отечественной войны, краеведения, российской эмиграции. E-mail: kafedra2008.@mail.ru

Поступила в редакцию 18 декабря 2014 г.

**Bulletin of the South Ural State University
Series «Social Sciences and the Humanities»
2015, vol. 15, no. 2, pp. 41—47**

THE EVERYDAY LIFE OF RUSSIAN SCHOOL IN CHINA IN THE MIDDLE OF XX CENTURY (BASED ON MEMOIRS IN ALMANAC “RUSSIAN ATLÁNTIDA”)

E. I. Semochkina, South Ural State University, Cheliabinsk, Russian Federation

The article provides the characteristics of the former pupils from Russian schools in China in the middle of XX century. There are vivid fragments from their essays published in the almanac “Russian Atlántida”. The memoirs analysis discloses their great value as a source for studying the everyday history of Russia Abroad, especially “Russian China”.

Keywords: everyday history, “Russian China”, Russia Abroad, memoirs, school, emigrants.

References

1. Voyloshnikova (Chipizubova) E.G. Zhizn po obe storony Hingana [Life on both sides of Hingan] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 2001. No. 7. P. 60—63.
2. Dobrynin P.P. Pervoe harbinskoe realnoe uchilische [No. 1 secondary college of Harbin]. *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 2001. No. 5. P. 32—37.
3. Zaharova (Mamina) E.I. Istoriya semyi [Family history] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 2012. No. 45. P. 14—26.
4. Ivanov V.P. *Rossiyskoe zarubezhye na Dalnem Vostoke v 1920—1940-e gg.* [Russia Abroad on the Far East in the 1920—1940-th years] Moscow, 2003. 160 p.
5. Ignatyeva (Brusienko) S.N. Moya zhizn v Tsindao [My life in Tsindao] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 2000. No. 3. P. 53—57.
6. Kazakov G.P. O lyubimom ottse [About my beloved father] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 2000. No. 4. P. 15—20.
7. Klipinitser (Ivanova) N.N. Prichastny k stoletiyu [Involved in centenary] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 1998. No. 1. P. 29—30.
8. Komendant (Rafeld) E.L. Shkolnye gody chudesnye [Wonderful school years] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 2001. No. 6. P. 60—63.
9. Kosinova O.A. *Pedagogichie traditsii Rossiyskogo Zarubezhya v Kitae v kontse XIX — pervoy polovine XX vekov: (1898—1945 gg.)* [Pedagogical traditions of Russia Abroad at the end of XIX — first half of XX centuries: (1898—1945 years)] Moscow, 2008. 200 p.
10. Krakovtsev V.V. Shanhay. 1938 god [Shanghai. 1938 year] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 2012. No.45. P. 58—63.

11. Markizov L.P. Ot azbuky do attestata zrelosti [From alphabet to school-leaving certificate] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 2001. No. 6. P. 44—50.
12. Markov F. K. Zhizn bez vospominaniy — lishena vsyakogo smysla [Life without recollections — has not any sense] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 1998. No. 1. P. 30—33.
13. Mirandov A.I. Vospominaniya ob ottse [Memory about father] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 2000. No.4. P. 3 — 6.
14. Pischikova T.V. Russkaya gimnaziya im. A.S. Pushkina v gorode Dayren [Russian secondary school named with A.S. Pushkin in the town of Dairen] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 2000. No. 4. P. 42—48.
15. Pischikova T.V. Russkaya gimnaziya im. A.S. Pushkin v gorode Dayren [Russian secondary school named with A.S. Pushkin in the town of Dairen] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 2001. No. 5. P. 38—43.
16. Potapova I.V. *Russkaya shkola v Manchzhurii. 1898—1945 gody* [Russian school in Manchuria. 1898—1945 years] Habarovsk, 2010. 186 p.
17. Razzhigaev G.B. Litsey Aleksandra Nevskogo [Lyceum of Alexander Nevsky] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 1999. No. 2. P. 25—27.
18. Razzhigaeva (Omelchuk) N.P. Progulka po Konventu [Walking along the Konvent] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 2003. No. 9. P. 28—31.
19. Sokolova (Petrina) T.P. Ucheniy, uchitel, poet [Scientist, teacher, poet] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 2000. No. 3. P. 18—20.
20. Semenov G.V. Litseisty v Moskve [Students of Lyceum in Moscow] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 1999. No. 2. P. 6—10.
21. Semochkina E.I. Almanah “Russkaya Atlantida” kak realizatsiya kulturno-istoricheskogo opyta russkih urozhentsev Kitaya (K 15-letiyu izdaniya) [The almanac “Russian Atlántida” as a realization of the Russians from China culture-historical experience (To 15-th anniversary of edition)] *Vestnik Yuzhno-Uralskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya “Sotsial no-gumanitarnye nauki* [Bulletin of the South Ural State University. Series “Social sciences and humanities”] 2014. Volume 14, no. 2. P. 27—32.
22. Taut M.P. S bolshim teplom vspominayu [Recollecting with great cordiality] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 2000. No.4. P. 6 — 7.
23. Sharouhov V.V. Yakeshi — stantsiya na KVZhD [Yakeshy — the station on KVZhD] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 1998. No. 1. P. 19—20.
24. Shishov V.M. Harbin, Pristan, tridsatye gody [Harbin, Landing-stage, thirtieth years] *Russkaya Atlantida* [Russian Atlántida] 2001.No. 6. P. 51—53.

Received Desember 18, 2014